

ТРОПОЮ ПРАВДЫ**В. М. Акаткин***Воронежский государственный университет*

Поступила в редакцию 1 сентября 2018 г.

Когда человек уходит от нас в мир иной, он как-то сразу вырастает в своих масштабах и значении. Опадают, как сухие листья, летучие впечатления, мелкие случайности, зато зримее, скульптурнее проступает главное, корневое в нем, и это не забывается...

С профессором Анатолием Михайловичем Ломовым мы прощались с горечью и болью, ясно осознавая, какую особую память он оставил после себя на факультете, как бурлила вокруг него научная молодежь и как авторитетно звучал его негромкий голос, незаемные слова, богатые житейским опытом, народной мудростью, добродушным юмором, а порой редкой иронией или сарказмом. В нем органично соединились две стихии: природная, деревенская, душевная и рациональная, аналитическая, научная. Родившись в сельской учительской семье, он рос и формировался среди народа, в гуще крестьянских трудов и дней, будничных и грозных событий, разговоров и умолчаний, мальчишеских игр и забав... И всегда рядом с ним были библиотеки – домашняя, школьная, клубная, ради которых он мог оставить ребяческую игру. Книги детства привели его на ученую тропу, пробудили интерес к тому, как работает слово, как строится и наполняется смыслами человеческая речь. И он стал выдающимся лингвистом, «профессиональным филологом» (как он сам себя называл), известным не только в родной стране, но и за далекими рубежами, где работают над своим и чужим словом десятки, сотни его учеников.

Анатолий Михайлович – ученый широкого диапазона, разнообразных интересов, напряженной духовной жизни. Он много и жадно читал, и не просто читал, а выстраивал свою картину мира, потому что был исследователем, обладавшим историческим и философским мышлением. Слушать его было чрезвычайно интересно, он словно поднимал тебя над ворохом мелочей на высоту притчи, мудрой пословицы или поговорки, из которых когда-то неизбежно извлечешь урок. Он не боялся гордиевых узлов бытия, неразрешимых загадок, проклятых вопросов и с остроумной доказательностью подводил к их неразрешимости. При этом часто посмеивался над горячи-

ми головами, для которых все было просто и ясно как дважды два. Иногда он касался таких глубин и протворечий жизни, для объяснения которых не хватало смелости и слов, а для него они, кажется, были обычным предметом одиночных размышлений. Он был человеком довольно закрытым, избирательного общения и дружелюбности, человеком, как говорится, с заслонкой, закрывающей от любопытствующих сокровенный жар души, мнения и оценки, ибо хорошо знал, к чему приводила излишняя открытость. Но он бывал и компанейским человеком, застольным тамадой, организатором веселых и шумных разговоров и песнопений. Многие его коллеги колхозного призыва хорошо помнят знаменитые Ломовские чтения, для которых он предоставлял собственную квартиру. Сколько там было всего – рассказов, шуток, подковырок, веселья, песен, воспоминаний, острых словес...

А. М. Ломов – автор более 120 научных публикаций, область его интересов – морфология и синтаксис русского языка. Наиболее широкую известность получили его монографии «Очерки по русской аспектологии» (1975), «Основы русской грамматики» (совместно с И. П. Распоповым – 1984), «Типология русского предложения» (1994), а также понятийный словарь-справочник «Русский синтаксис в алфавитном порядке» (2004) и «Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка» (2007). Им подготовлено более сорока кандидатов филологических наук, много лет он возглавлял докторский диссертационный совет по русскому языку.

Своеобразным переходным звеном от лингвистических трудов к мемуарно-очерковым повествованиям явилась книга А. М. Ломова «“Слово о полку Игореве” и вокруг него» (2010). Ее можно назвать литературоведческой утопией, поскольку она построена на предположениях, гипотезах, догадках, так как нет ни автора, ни первоначального текста «Слова», ни истории этого текста, ни времени его создания. Сами по себе эти гипотезы и догадки замечательны, они – высокой научной пробы и убеждающей силы фактов, однако главные вопросы остаются нерешенными, точных ответов не получено. Эта книга ценна другим: вдохновенным поиском путей исследования,

трудолюбием и оптимизмом автора, живым русским словом, уводящим от наукообразной тарбарщины.

Все написанное А. М. Ломовым условно можно разделить на два потока. Один берет начало в книгах, в том океане мыслей, теорий, концепций, который мы называем наукой. Он хорошо объяснил это сам: «Я профессиональный филолог и живу с художественными ценностями разных авторов всю свою жизнь». Другой пробивается из земли, из народной почвы, из собственного жизненного опыта, начиная от порога начальной школы и кончая университетской кафедрой. По научной тропе А. М. Ломов шел большую часть своей биографии. Мемуарно-художественные очерки и рассказы, притчи и воспоминания нахлынули на него в конце жизни, хотя накапливались они со времен журналистской и редакторской работы в районных газетах под «впечатляющими названиями» (его слова): «За крепкий колхоз» и «Строитель коммунизма». Люди, их судьбы, их победы и поражения, извивы их жизненных дорог и тропинок – все это отозвалось в пяти его книгах: «Такая печальная долгая жизнь», «Сельские были», «Прошлое в войну и поле войны», «Тени прошлого» и «Провинциальные будни». Именно там, в глубинке, накоротке общаясь с народом, пишет Ломов, журналистские уроки он «усвоил на всю жизнь, особенно один из них, гласящий: все мало-мальски важные события фиксируй на бумаге. Ему я следовал неукоснительно, и в результате у меня скопилось много записей о судьбах людей и о событиях, в которые были втянуты знакомые мне люди. На склоне лет я сообразил, что эти записи будут весьма полезны для ныне живущих, и решил их опубликовать». Почти во всех авторских предисловиях к этим записям он настаивает, что они «не выдумка досужего сочинителя, они – чистая правда». А правда, как известно, не всегда приветлива и именно сейчас, на сломе времен, в беспощадном конфликте между прошлым и настоящим.

К прошлому у нас повышенный интерес, особенно к советскому. Одни спешат густо очернить его, представив почти целый век как досадный изгиб пути, как историческую неудачу, а советский народ – жертвенный и победительный – «совками», рабами системы. Другие не могут шага шагнуть от него вперед как от спасительной заводи, оберегающей от всяческих бурь и рисков. Третьи вдумчиво и трезво смотрят на «век минувший» как на историческое время, пытаясь разобраться во всех «pro et contra», а также и в самих себе. Ведь каждое отдельно взятое время не само себя делает – оно результат многих причин и следствий, сплетений и разрывов, происходящих столетиями. Советский мир, или советская цивилизация, – не только следствие большевистского переворота и тоталитарного режима, корни его уходят в родовую глубину, и корни эти долгие века питали наш нацио-

нальный характер, содержание которого неисчерпаемо.

В разговоре о книге А. М. Ломова «Такая печальная долгая жизнь» подобное предуведомление вроде бы и не требуется. Но это только на первый взгляд. Скромная, непритязательная во многих отношениях, она по сути своей концептуальна, в ней те же вопросы и ответы, что встают ребром в ожесточенных спорах о нашем прошлом, о народе и о его судьбе. Сам он – дитя советского мира, ставший профессором-русистом, широко известным и в нашей стране, и за рубежом, автором многих выдающихся исследований, в том числе талантливой, догадливой книги о «Слове о полку Игореве». И вдруг (а на деле и не вдруг!) он берется за перо писателя, чтобы обрисовать родной край и окрестности, рассказать о людях, которые запали в память или остались в коротких записях разных лет. В них дышит большое время, в них далекая малая родина отчетливо проступает на карте большой страны и даже мира, а отдельные герои собираются в русский народ. Вот почему эта книга заслуживает особых размышлений.

В записях Ломова реализовался не только запрос памяти, но проявился и дар слова, дар рассказчика или сказителя, усвоившего традиции устной народной культуры. Он родился в учительской семье, а значит, с малых лет породнен был с книгой, со словом, упорядоченным письмом. Три года работы в газете помогли ему увидеть, как неотделимо слово от человека, от его поступков и душевных движений, как оно влияет на ход событий. И он стал записывать свои впечатления от всего, что пробивалось из «топкого болота нашей повседневности», что вызывало всяческие разговоры и пересуды. Прежде всего это люди света, нравственные маяки, от которых исходит обаяние ума и таланта. И неважно, какое место занимают они в табели о рангах: то ли высокоученые профессора, то ли простая женщина, непревзойденно засаливающая огурцы. Они могли бы сказать о себе: «Мы все в России ходим трудными дорогами». Трудными, но честными. Однако немало людей темного излучения, рассказы о которых такие, что хочется отложить, побережься от тягостных переживаний. У них тоже трудные дороги, но выбор тут предрешен соблазном и вседозволенностью.

Жизнь человеческая идет у него то по восходящей, в гору, то круто меняет курс, то исчезает из виду, словно река, ушедшая под землю. У прадеда Ивана было четверо сыновей, у деда Гаврила два сына и дочь. Построил он мельницу – крылатую мечту свою, но вскоре ее забрал колхоз, и стал он уже не хозяином, а простым мельником при ней, которого решили «кулаком не считать» – редкий случай для тех максимальных лет. А потом и мельницу, и дом кирпичный разломали, линию жизни покорежили. Зато внук

Ивана Михаил стал учителем, а правнук – невиданное дело для села – доктором наук, профессором. Но гордость его не обуяла. Ломов не боялся признаться в том, какие были «зияющие провалы в нашем образовании» и в культуре даже у тех, кто поднимался на высоты специальных наук. Как многого я не знаю, признается он: «И это профессор! Тот факт, что сотни и даже тысячи профессоров и доцентов – моих соотечественников не знают того же самого и даже больше, не служит мне оправданием: это их дело». Какое вызывающее признание, от него вздрагиваешь, как от пощечины. Но в нем боль и правда. Не отсюда ли усредненность и нетребовательность по принципу «и так сойдет», та самая «образованщина», о которой говорил Солженицын? На понижении и упрощении пышным цветом расцвела попка – оборотень подлинной культуры, а народ «хаваает» ее в самозабвении.

О народе у нас пишут так, будто от него остались одни либералы да ура-патриоты. В лучшем случае – электорат, налогоплательщики, митингующие колонны и т. д. Последнюю вспышку народознания явила собой деревенская проза: В. Белов, Ф. Абрамов, В. Шукшин, В. Астафьев, Е. Носов. Какой цветник характеров, какая глубина проникновения! А. Ломов в своих записях приобщается к их традиции, пытается разглядеть святых и грешников, злодеев и праведников. Его занимают персонажи с двойным дном, с темным подтекстом, занесенным природой или внешними обстоятельствами. Например, исполнительный служака, верный властям и трудовому народу, по совместительству доносчик, вор и предатель. И наоборот: изгой, бомж, «заплатка», но чистый в делах и замыслах, пострадал за правду и товарищество. Службистый заместитель редактора районной газеты, по доносу которого расстреляли двух «врагов народа», а третьего сослали в морозные края. Дядя Алеша, переполненный сочувствием и деятельным добром, погибший на фронте. Лица и личины, играющие роли и напрямую живущие своим трудом и разумением. Твардовский как-то сказал: народ – что море, в нем каждой твари по паре. У Ломова много таких пар, однако он не педалирует черно-белые краски, он просто знает: такова жизнь. Но вряд ли он скажет вслед за Бальмонтом:

Ты ошибся во всем. Твой родимый народ,
Он не тот, что мечтал ты. Не тот.

Рассказ «Рак-отшельник» – один из самых пространственных в книге, последовательно решающих художественную задачу. В нем все работает на обобщение: имя – Иван, прозвище – Филиппок, у него «золотые руки» – почти как у Левши: «Казалось, что не было дела, которое не спорилось бы в его руках». Умея все, он не умел управиться с собой, к тому же все работало против него: был осужден, получил облучение

и стал бесплоден, дедовский дом подтопили воды Усманки, его настигло одиночество, погруженное в пьянство и чудачества. Он был безотказен на любые просьбы, но «даже перед смертью ему не с кем было попрощаться в целом селе». Какие причудливые, извилистые судьбы выстраивает наша русская жизнь на бескрайних земных просторах!.. Совсем иная судьба у бывшего «зарубежного курьера ЦК» Ивана Васильевича: он окончил лесную академию, владел тремя языками, был секретарем райкома, а потом ослеп и тихо доживал свой век у сестры в Нижнем Карачане. После XX съезда он и буквально, и символически прозрел, стал писать статьи, «в которых рассказывал о своих знакомствах с большими людьми революции. А когда в 70-е годы он умер, Нижний Карачан был поражен: на его похороны съехалась масса интеллигентного вида стариков и старушек, которые либо каким-то чудом спаслись от сталинского топора, либо недавно возвратились из мест не столь отдаленных».

На страницах его книги зримо проступает русская провинция – дальний райцентр, старинные и не очень села, школы и храмы, проселки и дороги, ведущие в большую Россию и за ее пределы. И везде люди – с разными судьбами и уставами, злые и добрые, трусливые и смелые, трудяги и бродяги, успешные и неудачливые, но все они чем-то «зацепили» автора и навсегда остались в памяти. «Сущность памяти, – писал Ф. Степун, – в спасении образов жизни от власти времени». Ломов хотел бы спасти всё, запавшее в память, чтобы оно вечно стояло и красовалось на родимых холмах. Оттого книга его необычайно познавательна, она должна постучаться в школу, лечь на стол учителя, краеведа, историка, распахнуться перед широким читателем, напрочь плененным голубым экраном. Ведь он записывал и запоминал не только для себя, но в надежде, «что эти записи будут весьма полезны для ныне живущих». Ибо в них «не выдумка досужего сочинителя, они – чистая правда!» А правды у нас, как всегда, так не хватает, так она нам нужна, хотя мы и боимся ее...

Детские впечатления о малых благостях (горячие блинцы, кобылье молоко, сладкий чакан) перемежаются в книге рассказами о драматических и даже трагических перипетиях, невинные житейские случаи – коварными замыслами и преступлениями, ситуации местного значения – событиями большой истории. Эта контрастность придает записям особое сюжетное напряжение и содержательную значимость. В них может найти свое всякий – и легко скользящий по жизни, и сполна испытавший все ее подножки и препоны. Но какая бы она ни была, эта жизнь наша: такая родная, такая заманчивая и неповторимая, так глубоко запавшая в душу, что нигде от нее не отодвинешь – ни в областном городе, ни в дальнем зарубежье.

На одном ее полюсе тетя Нюра и дядя Алеша, на другом «кошадры», на одном «запуганный профессор» П. Г. Богатырев, на другом бесстрашный профессор М. Н. Крашенинников, осмелившийся заявить в репрессивные времена, что марксизм в языкознании не нужен.

Жанровые определения своим миниатюрам Ломов дает вольные, не терминологические: «записи», «истории», «воспоминания». И только на одном он настаивает: «Я был всего-навсего бесстрастным регистратором событий и добросовестно воспроизвел их в книге, допустив лишь одну вольность: по понятным причинам в некоторых случаях я не стал вообще упоминать имен моих героев или заменил эти имена вымышленными». Что касается «бесстрастного регистратора», то оставим эти слова в запасе: перед нами рассказы и зарисовки, не лишённые авторского вмешательства, даже вымысла, не говоря уж об оценочности и художественности.

Фабулы его записей так похожи на сказки и былички – ведь во времена детства они были очень популярны в деревне. Содержательно они выстраиваются по линии узнавания, разгадывания или по афоризму Виктора Черномырдина: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда». Реже в обратном порядке. Ничто не бывает законченным, и нет той точки, где все останавливается: пришла весна – жди осени, одержал победу – плати за нее, совершил злодейство – придет наказание. Крутые повороты судьбы, загадочное, тайное – вот сюжетные двигатели его записей. Он ими подзадоривает наше любопытство, интригует, озадачивает, чтобы внезапно открыть другую дверь. Так, некто М. Камов (лицо узнаваемое), представляющий интеллектуальную элиту, читающий лекции по международному положению, оказывается, в годы войны был командиром расстрельной команды. Самый показательный для его повествовательной манеры рассказ – «Казалось что, а оказалось что» (это «что» одинаково звучит, но противоположно по значению). Суть этой манеры в неожиданных сюжетных разрешениях. К примеру, в «Трех сестрах» Чехова «все протекает в высшей степени скучно и бесконфликтно, а оказалось, что в конце Тузенбаха убили». У Ломова речь идет о бытовой хитрости, применяемой на банкетах после защиты диссертаций: поскольку банкеты были запрещены, то коньяк разливали по чашкам из чайника. Но однажды последовал более строгий запрет, и тогда пришлось использовать посуду по назначению – разливать «самый обыкновенный чай». Каково это было для любителей горячительного! Вот и родилось: «Казалось что, а оказалось что». Классика подтверждена самой жизнью, но от этого лучше не стало. Ломов не только в записях, но и в устных рассказах любит поводить вокруг да около, напустить туману, а потом внезапно включить свет и

щелкнуть по носу недогадливых. Рассказы его всегда таят в себе притчу, какую-то аксакальскую мудрость, порой грусть и горечь, но всегда поучительны: знайте, в жизни все может быть, и от человека всего можно ждать. В записи «От автора» рассказано о замечательном дояре Григории Каляеве, в которого были влюблены колхозные коровы. Автор посоветовал ему поступить в зооветинститут, после его окончания Каляев был назначен ветврачом. «Но, Господи, как же он с тех пор переменялся! С людьми, среди которых он вырос, стал заносчив и даже груб, а животных (в том числе и прежде любимых им коров) буквально возненавидел...». Благое дело не подняло, а опустило человека. Как, почему? Ведь мы привыкли считать, что образование совершенствует человека, а тут наоборот. И подобных загадок и парадоксов по всей книге хоть отбавляй. Порядок расположения записей в ней произволен и не таит в себе какой-то целевой установки. Однако все частные истории впадают в сюжет большой народной жизни, обретая драматически сложное, многомерное звучание.

Этот сюжет захватывает разные уровни, разные слои культуры – от народно-устной до элитарно-научной, от глухого села до столичного университета и далее. И события тут разные по масштабу: от приятельской выпивки до коллективизации и войны. Но все они – трагические, комические и «не ахти какие» – вписываются в панорамную картину, имя которой – название книги: «Такая печальная долгая жизнь». Правда, своей, личной печали тут немного, летописцу недосуг пускать слезу. Ломовские сюжеты графически отчетливы и кинематографичны, многие из них так и просятся на экран!

Записи Ломова видятся мне в широком ряду мемуаров университетских людей, которых так много написано после распада Советского Союза (среди них воспоминания П. А. Бороздиной и А. Б. Ботниковой). Это, можно сказать, выдающееся явление, требующее глубокого осмысления. Почему вдруг на фоне черно-чернильных писаний о «совковом» прошлом, заполонивших все прилавки и киоски, появляются воспоминания о людях неповторимой, драматической эпохи, побуждавшей нас духовно расти и совершенствоваться, порою быть выше самих себя, эпохи, которую мы почтительно называем советской цивилизацией? Не о рабах, не о лузерах, а о тех, жизнь которых удалась, обернулась не «отрицательными, а положительными последствиями».

Рассказывая о других, Ломов одновременно рассказывает о себе, на многих страницах книги постепенно проступает еще один сюжет – его биография. Не только внешняя, но и внутренняя: думы, вопросы, недоумения, добрые и не очень открытия, расширяющиеся горизонты мира. Как много в нем оттуда, из деревенского детства – от книг и бесед с отцом, учи-

телем по профессии, от общения с односельчанами, от «интуитивного крестьянского здравого смысла», от самой земли-матушки и природы-матери. Он причащен ко всему, о чем повествует, либо прямо участвует в происходящем, либо напрямую говорит о себе (рассказ «Даже в старости, все раздумываю»). Есть у него одна знаменательная фраза, которая раскрывает истоки и повествовательную стратегию книги: «Мои мысли возвратились из прошлого, и я стал прислушиваться к настоящему». Времена сошлись, и многое прояснилось как в жизни, так и в себе самом. В этой духовной проясненности и родилась книга о «такой печальной долгой жизни».

Многие годы Ломов изучал структуру и работу языка, писал научные статьи и книги, выступал с докладами на конференциях, обучал студентов, вырабатывал научную смену – аспирантов. А теперь вот решил погрузиться в стихию жизни, заново присмотреться к людям, которых он узнавал на разных этапах своей биографии. А это потребовало еще больших душевных затрат и тонкого понимания, чем наш родной, «великий и могучий», так труднодоступный для своих и чужих, русский язык. И не только усилий ума и мобилизации знания, но и многозначного писательского слова. Ломов-исследователь становится рас-

сказчиком-мемуаристом, свидетелем и участником живого исторического процесса. Обо всем он рассказал так, что многие увидят в его записях и свою жизнь: школу и детство, родные горки и речки, забавы и обиды, страхи и радости, испытания и наваждения. И все из первых рук, все с личным участием и соучастием рассказчика.

Ломов доверяет мудрости и опыту родителей, бабушки и дедушки, вообще людям пожившим, испытавшим всякое. Он нередко говорит их вроде бы наивными, самыми обыкновенными, но неотразимо правдивыми словами. Вот как, например, он характеризует «лихие 90-е»: «В ту пору обнаружилось, что пронырливые, хотя и не бесталанные, хитрые, иногда безмерно жестокие люди нахлынули в политику, науку, литературу, искусство, экономику, охваченные неугасимым стремлением занять места, которым они явно не соответствовали. И многим это удалось. Но, памятуя слова деда, я знаю, что это временно». Какие же это слова и что выразил в них народ устами дедушки? «А когда порядки вернуться, и плохим людям даден окорот, вот тут-то все ветры возвратятся на круги своя».

Будем ждать, будем приближать это возвращение. На это и работают книги профессора А. М. Ломова...